

Колонка редактора

Что такое трезвость?

Существует множество определений пьянства и алкоголизма, но очень мало определений трезвости. В Толковом словаре В.И. Даля вначале дается определение слов *трезвый, трезвенный, твердый* (воздержанный в напитках, непьющий и неупивающийся). А *трезвость* – это качество и свойство по прилагательному *трезвый*.

Для современного читателя непонятна разница между словами *трезвый* и *трезвенный*.

Трезвый – это одномоментное состояние настоящего времени. А *трезвенный* – это трезвый на всю жизнь, вообще воздержанный в напитках. Отсюда понятно, почему массовые движения за трезвость на Руси называли *трезвенными*, что и закрепил Г.А. Шичко в своём «Маленьком словаре трезвенника» (г. Ленинград, 1981 г.)

В 30-е годы прошлого столетия, когда был отменен «Сухой закон» и началось спаивание населения, которое привело к тому, что в 1928-32 г.г. развернулось широкое трезвенное движение в печати, стали появляться статьи, в которых движения за трезвость стали называть трезвенническими. Сравним два слова: *трезвенность* и *трезвенничество*. *Трезвенность* – это уверенное название полной трезвости на всю жизнь. *Трезвенничество* – это размытое понятие, так называли в 30-е годы движение религиозных групп и сектантов. В самом названии некий умягчающий смысл, словно это понятие от слова «трезвеннички». Поэтому мы за традиционное название движений за трезвость – трезвенные.

В Толковом словаре Т.Ф. Ефремовой – это воздержание от спиртных изделий, здравая рассудительность, свобода от иллюзий и самобмана.

Г.А. Шичко дал такое определение трезвости: ТРЕЗВОСТЬ – НОРМАЛЬНАЯ, НЕ ОТРАВЛЯЕМАЯ АЛКОГОЛЬНЫМИ НАПИТКАМИ ЖИЗНЬ ОТДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА, ГРУППЫ ЛЮДЕЙ, ОБЩЕСТВА ИЛИ НАРОДА.

Не всем нравится определение трезвости, привязанное к употреблению или неупотреблению алкоголя. Поэтому в современном трезвенном движении создано несколько определений трезвости и трезвенности без привязки к употреблению наркотических отравляющих изделий. Ведь, в самом деле, человек может не употреблять алкоголь, но быть «пьяным от объядения, от блуда, от гнева, от тщеславия, от гордыни...»

Одно из действующих определений трезвости – это естественное, оптимальное (наилучшее) созидательное состояние человека, семьи, общества. В сегодняшнем номере мы поместили часть созидательных творений наших читателей-трезвенников.

Ф. Г. Углов с нами

Сквер имени Ф.Г. Углова появился в Санкт-Петербурге к 110-й годовщине со дня рождения знаменитого хирурга, прекрасного человека и великого лидера трезвенности. В начале сквера будет поставлен памятник этому замечательному трезвеннику. Проект

памятника был обсужден и утвержден на Угловских чтениях 5-6 октября этого года.

Это удалось благодаря усилиям многих трезвенников, и в первую очередь активистов Фонда им. Ф.Г. Углова Г.Г. Клементенко, профессора В.Г. Жданова, а также архитектора Тихона Шевкунова,

родных и близких ученого, хирурга, лидера трезвенного движения.

На снимке: Главный редактор газеты «С любовью к жизни» и приложения к ней «Оптималист – Оптимист» Н.В. Январский у бюста Ф.Г. Углова в Фонде имени Ф.Г. Углова.

Спасение умирающих – дело рук самих умирающих

Дети – наши помощники, только надо им не надоедать длительными лекциями, а вовлекать в дело.

Прихожу в группу летнего лагеря в школе №1 (для отчисленных из других школ). Учитель группе что-то внушает, один мальчишка крутится на спине на учительском столе, другие смеются и галдят, учителя не слушают. Я сменила учителя, поздоровалась, представилась, как меня зовут и что я – школьный психолог. Сказала, что в стране идёт работа по внедрению ЗОЖ, трезвости (руководит Жданов В.Г.) и у меня газета с его докладом. Предлагаю провести конференцию по этому материалу. Ребята согласились с удовольствием. Раздала всем по части доклада. Конференцию провели серьёзно, дети друг друга слушали спокойно. Потом мы с одной учительницей организовали что-то вроде концерта – дети демонстрировали свои умения: читали стихи, играли на гитаре, пели.

Немного о себе. Я закончила институт социальных отношений, и директор школы взял меня в штат психологом. Но в процессе работы старался меня освобождать от совещаний, заседаний, мотируя тем, что у меня много работы. А потом устроил свой день рождения с выпивкой, после чего некоторые учителя не вышли на работу. Мне всё это не понравилось, и я уволилась. Сейчас эту школу закрыли.

Ещё пример. Приводит меня завуч в 6-й класс и представляет: «Сейчас вам расскажут о вреде курения». Дети снили, стали скучными, завуч уходит, и я говорю: «Я вам ни о каком вреде рассказывать не буду. Вы мне скажите, курят ли ваши родители». Дети осунулись ещё больше, чуть под парты нелезли, буквально прошептали: «Да». Продолжаю: «А хотите, чтобы они не курили?» Дети оживились, выпрямились, воскликнули: «Да-а!» Тогда отнесите им листовки «Если вы хорошие родители...» Потом поговорила с детьми немного на отвлечённую тему. Через неделю прихожу, спрашиваю: «Ребята, как дела?» Отвечают: «Мой папа бросил курить»; «Мой папа хочет бросить, но не может»; «Мой папа и слышать ничего не хочет».

В этой школе мы с ребятами подготовили небольшой литмонтаж и выступили перед всеми параллелями классов (завуч организовала). Когда было очередное родительское собрание, пришло столько родителей, что не хватило стульев.

В этом классе никто не закурил до конца школы, класс был по всем показателям лучшим. А в школе курение значительно сократилось.

Так что проблема внедрения ЗОЖ решаема, если ею управляют трезвые люди.

А вот другой пример. Директор школы сказала, что поддерживает трезвость, раз-

решила мне приходиться в школу и проводить занятия под руководством завуча.

Я посмотрела, где курят дети, и хотела с ними поговорить, но они от меня убежали. Тогда я сделала два плакатика форматом А4 и повесила на шею под куртку (дело было весной, в апреле). Пришла в школу в начале перемены, дети от меня сбежали, тогда я встала возле вахтёра и распахнула куртку. Плакаты такие: «Все курильщики – вонючки, Прекращайте ваши штучки! Вас понюхает немножко – хуже, чем дерьмо у кошки!»

Вся школа сбежалась, стали восхищаться, спрашивать: «Это вы сами придумали? Здорово!» – и фотографировать.

Вскоре вызывает меня зам. директора и говорит: «Дети вас сфотографировали и выложили в Интернет. Теперь вас вся Калуга знает, а нас вроде и нету. Поэтому приходите только один раз в неделю, разговаривайте только с одной группой и при свидетелях». Я спрашиваю: «На первое мая вы выпивать будете?» Отвечает: «А как же!»

Всё понятно, нетрезвый человек – вредитель.

Этого мало. Когда классные руководители приглашали меня в свои классы, эти «воспитатели» заходили, требовали прекратить мою беседу, так как мне разрешается говорить не более 5 минут.

Продолжение на 8-й стр.

На конкурс
Первый приз

ФЕДОР УГЛОВ

Человек между жизнью
и смертью лежит.
Яркий свет отражается
в бледных щеках.
Хоть годами не старый,
а дряхлый на вид,
И безвольно трясется худая рука.
Но и тут вороватый, изломанный
взгляд
Так отчаянно рыщет по стен
белизне,
Будто хочет найти
у кладбищенских врат
Пол-литровую емкость
со смертью на дне.
А к столу подошел знаменитый
хирург,
И хоть завтра ему будет
ровно сто лет,
Нет на свете таких
же талантливых рук,
Твердо держащих скальпель,
иглу и пинцет.
Засыпает больной, погружаясь
в наркоз.
Вниз катиться легко
по крутому пути.
А хирург, напрягая и руки, и мозг,
Операцию делает, чтобы спасти.
Он печальную правду
разрезом открыл:
Алкоголем изъедено
все изнутри...
Если ты даже каплю когда-нибудь
пил,
Рядом с доктором встань
и туда посмотри...
Жизнь висела на ниточке:
ею хирург
В долгой гонке со смертью
накладывал шов...
И Костлявая злобно под нос
себе бурк:
«Ухожу. Ты сильнее, врач
Федор Углов!»
Врач устало подумал:
«Сильнее в этот раз...»
Алкоголь свою сеть
не устанет плести...
Так что сколько бы скальпелем
душ я ни спас,
Всех людей только словом
могу я спасти...»
Словом правды о том,
что творит алкоголь:
Сколько судеб и жизней
пустил под откос,
И какая внутри
безысходная боль,
И как много застывших,
невидимых слез...
И о том, чего может достичь
человек,
Не приемлющий капли
отравы хмельной,
Как он сам – энергичный
и бодрый в свой век,
Академиком став из деревни
глухой.
Его слово летело во все уголки:
От Невы, где он жил,
до Сибири, где рос.
Он был самым истоком
чистой реки,
В мутном море неправды
стоял, как утес.
Он себя выплавлял
из природной руды
И ударами сердца ковал
сталь идей.
Путь земной завершил,
но оставил труды –
Как маяк неподкупный
для трезвых людей.
**П. ВЕЛИКЖАНИН,
г. Волгоград**

Второй приз

Давным-давно, когда люди еще не знали, как встречать Новый год, жил в деревушке, в маленькой избушке, простой парень по имени Иван. Раз он задумал чай пить – надо печь топить, печь истопить – из сарая дров наносить. А дров нет. Вспомнил, что у опушки ветром повалило дерево: «Сбегаю, сучьев нарублю». Веревкой подпоясался и в путь. Тем временем вечер день менял, ветер подвывал, с первым снегом играл. Подвела парня тропка, свернула в сторону, заплутал Иван.

Долго ли, коротко ли, добрал до незнакомой поляны. Остановился, об ель облокотился, думает: «Вот те на... где ж это я? До леса недалеко – в лесу нелегко. Эх, была не была, раз такие дела, срублю елочку. Пока рублю – согреюсь, нет – костер разложу, все одно – теплее». Вынул топор и только было замахнулся на ель, как та говорит ему человеческим голосом: «Ваня, не руби! Хорошо дремать под снегом. Весна придет – расправлю ветви, летом буду слушать птиц. Да и осенью не хуже: другие деревья теряют свои наряды, а я – всегда в зеленом платье». Парень страшно удивился: «Чудеса! Ель человеческой речью встречается, по имени величает. Что ж, вижу: хорошо тебе тут. А мне вот плохо пришлось: пошел за дровами – заблудился, замерз! Хотел костер разжечь, а теперь и не знаю, что делать...» Ель тогда говорит: «За доброту я тебе помогу. Я живу много лет, мудрее меня никого нет в лесу. Отломи ветку». Иван отломил. «Она исполнит любое твоё желание, но только одно. Домой вернешься – сядь и подумай, что в жизни самое важное, потом взмахни веткой и скажи: «Мудрая Ель, есть у меня цель...» Назови желание – и оно исполнится». «Ну, спасибо, раз так, – говорит Иван. – Только какие уж тут желания – не знаю, как из леса выйти». Ель ему: «Об этом не тревожься, твой дом близко. Ты по кругу ходил, а я про прямую и короткую тропку расскажу. Только не выдавай: станут ветки ломать – от меня ничего не останется. Да и разные люди бывают, не все добра пожелают. Слушай внимательно». Ель нашептала Ване, как по короткой тропе выйти из леса. Парень в пояс поклонился и в обратный путь пустился. Ветер к тому времени стих, выглянула луна, у опушки Иван углядел поваленное дерево, нарубил дров и – домой.

Воротившись, истопил печь, поставил самовар и сел на лавку думать: «Что же в жизни самое важное? Вроде у меня всё есть: руки с работой справляются, дом – какой-никакой, а крыша над головой...» Огляделся и затосковал: один. Может, не обмануло говорящее дерево? Вынул еловую ветку, взмахнул: «Мудрая Ель, есть у меня цель. Желая семью. И побольше. Но дружную...» Не успел договорить – в дверь стучат. Вскочил, отворил, на пороге старик, весь в снегу. «Откуда ж так поздно?

Сказка для молодоженов И НЕ ТОЛЬКО...

Входи, грейся». Старик вошел в избу, опустился на лавку, отдышался и говорит: «Спасибо! В три дома стучал – не открывают, время не раннее. Мы с ярмарки – да вот беда: сани увязли». «Ну, так вдвоем справимся». Добрались до дороги – метет! Кто в санях сидит – не разобрать. Подналегли – лошади мало-помалу вытянули. А как добрались до дома, «кто-то» шубу скинул – Ваня прямо остоленел: никогда не видел такой красавицы. «Маша, дочка», – говорит старик. Сели к столу. Старик пьет чай и в усы ухмыляется: заметил, что Марья с Иваном друг другу понравились. Наконец так сказал: «Спасибо за помощь, хороший ты парень, вот какого бы жениха моей Маше». Иван осмелел: «Спасибо на добром слове, моя бы воля – завтра же под венец». Марья, понятно, смутилась, но в том же духе сказала: «Видно, тут моя судьба». В общем, поладили. И скоро сыграли свадьбу.

Зима сменилась звонкой весной, весна – горячим летом, вот уже и осень принялась верхушки деревьев золотить. К этому времени Марья Ивану, к великой его радости, сразу двух детишек подарила. Ваня с раннего утра в поле, затемно возвращается, родных целует – и спать. Вот встал он как-то воскресным утром, умылся, сел к столу – котелок каши и самовар его дожидаются. Ложкой кашу зачерпнул, распробовал и спрашивает: «Машенька, а каша-то без масла?» Маша будто бы удивляется: «Видно, Ванечка, забыла положить». Иван тарелку каши съел и еще попросил, чтобы не обидеть. Стали пить чай. Ваня из кружки отхлебнул и спрашивает: «Машенька, а сахара-то нет?» Марья будто побледнела: «Только сегодня закончился», – и глаза в пол. Тогда Иван говорит: «Ничего,

я сейчас к соседу зайду, возьму сахар в долг». Встал из-за стола, вышел из дома, но не к соседской избе, а напрямик к лесу пошагал.

Идет и ругает себя на чем свет стоит: «Дурак я, дурак такой-растакой!» Короткой тропой добрался до знакомой поляны, видит: Ель на солнце греется, под пение птиц на ветру покачивается. Ваня ей до земли поклонился и говорит: «Не гони, мудрая Ель, выслушай. Пожелал я семью, большую, дружную – теперь у меня жена и двое детишек, ничего дороже для меня нет». Ель в ответ: «Ну что же? Ты, Ваня, добрый, отзывчивый. Меня нажалел, старику помог. Вот и награда». «Добрый без добра, – огорчается Иван, – о своем счастье думал, а не подумал о том, что семью надо кормить, одевать, обувать. Тружусь с утра до ночи – на столе только каша без масла и чай без сахара. Теперь-то я не о себе – их жалко», – вздохнул, замолчал. Ель тоже помолчала, потом говорит: «Ладно, отступлюсь от своих правил – помогу во второй раз, но уж последний. Отломи ветку. Доберешься до дома – пожелай, чтобы жена и дети были сыты, обуты, одеты, веткой взмахни – желание исполнится».

Но на обратном пути Иван так рассудил: «Сыты... обуты-одеты... попросишь щей и лаптей – завтра крыша прохудится или еще что случится. Не лучше ли денег попросить? Тогда и корову заведу, и лапти куплю, а еще сарафан, игрушки...» Размечтался, даже остановился. Потом взмахнул веткой: «Мудрая Ель, есть у меня цель. Желая денег... и побольше!» Сказал и пошел дальше. Между тем стало припекать. Последние теплые дни, надо бы искупаться. Только свернул от леса к озеру, как вдруг слышит шум, крики: «Тону! Помогите!» Один миг – Ваня уже в воде,

прямо в рубахе прыгнул, а как выбрался из камышей – видит, что посреди озера лодка перевернута, возле нее кто-то барахтается. Подплыл, ухватил одной рукой за шиворот, другой гребет. Вытащил на берег мальчика.

Тут мамки с няньками набежали: обнимают мальчика, в кафтан кутают. Ваня в сторонке рубаху отжимает, а к нему господин идет – немолодой уже, важный, в богатой одежде. Иван, конечно, кланяется, господин говорит: «Спасибо! Единственный сын захотел поймать рыбу – и все тут. Мамками избалован. Проглядели, пустили на берег, а он – в лодку. Проси, чего хочешь. У тебя самого-то есть семья?» «А как же: жена, двое детишек». – «Да... как с одним-то справиться... и ведь затратно?» Ваня плечами пожмает, мол, что поделать, а по приказу господина уже несут мешок – внушительно-го вида, крепко-накрепко завязанный. «Держи, порадуй своих». Ваня поблагодарил, на том и разошлись: знатное семейство своей дорогой отправилось, Иван к деревне побежал.

Вошел в дом – Марья к нему, в глаза с тревогой заглядывает. Ваня ее обнимает, смеется: «Совсем я забыл о соседском сахаре! Пошел к озеру искупаться, а там господский сынок тонет – я его спасать. Что за господин был, чем одарил – не знаю. Но награда тяжелая». Еле развязал мешок, такой он был тугой, заглянули... Маша только ахнула и на лавку присела: мешок полон золотых монет! Иван взял монету и на свету рассматривает. Потом повернулся к жене и тихо говорит: «А наградил меня, Машенька, как раз тот, кто на этих монетах отчеканен. Сам великий князь».

Сколько ни гоняла осень листья по дворам, сколько

ни лила дождями, но пора и честь знать: снова пришла зима, укутала снегом Иванову деревушку. Ваня теперь просыпается поздно, проснется – жену зовет: «Мань, где рубаха? Маня, где штаны? Маша, на стол накрывай!» Рубаху со штанами натянет, но с печи не слезает, прямо оттуда дает указания: «Пива ставь больше, не как вчера. Вот-вот придут – у тебя ничего не готово. Вино тоже неси. Соленья где? Да не одну ж капусту! Меня князь награждал, не поп». Когда Марья на стол накроет, Иван с печи слезет, сначала выпьет, потом закутит, а там и повеселеет: «Что же ты, Маша, такая задумчивая? Понурая ходишь. Чего не хватает?» Жена смотрит в сторону, кончики дорогого платка тербит. Однажды, после третьей, Ваня, как обычно, начал сердиться: «Что ты все молчишь-то? Я не затем женился, чтоб в молчанку играть. Лучше бы вот эти замолкли», – это про детей. Тут уж Маша не выдержала: «Как не стыдно! Каждый день со своими дружками пугаешь их пьяными криками – вот и плачут». «Так, может, мне из дома уйти, чтобы вам не мешать?» – «Или нам уйти, чтобы тебе вольготнее было?» – «А то я, Машенька, могу и в бане пожить, например». – «Ну что ты, Ванечка, лучше я к родителям вернусь». Слово за слово – ссора, а тут, как назло, Иванов тесть на пороге – зашел проведать.

Маша приняла у отца шубу, усадила старика за стол. Он осматрелся и говорит: «Ну, зять дорогой, хорошо живешь. У простых людей – покой, у Ивана – пир горой». Вроде пошутил, а глаза не улыбаются. «Почему не жить? Сынка я княжеского спас? Спас. Награду заслужил? Заслужил. Деньги употребляю с умом: работников нанял, в доме – достаток, ну и себя не обижаяю». – «Все бы ничего... только очень гордишься... и не в меру пьешь...» Иван стукнул по столу так, что посуда зазвенела: «Вот удивил, тесть дорогой! В земле одной ногой, а все про вредности рассуждает! Да ты завидуешь? Конечно, завидуешь. Такую жизнь надо заслужить!» Старик поднялся: «Протрезвей – потом решим, кто и что заслужил. Я тебя не таким знал, когда отдавал замуж единственную дочь». Ваня тоже поднялся, пошатывается: «Вот-вот! Единственную дочь. А мелешь, как будто еще что-нибудь смог сделать...» Схватились: посуда на пол слетела, Марья бросилась их разнимать, дети плачут – в общем, безобразия. Иван хотя и пьян, а сильнее старого тестя – вытолкал его во двор без шубы. «Ты куда?» Заметил, что Маша детей в какие-то тряпки кутает. «Ухожу». – «Вот как, значит?» И не успел сообразить, что делает, ударил жену – наотмашь, изо всей силы, так, что она рухнула. Испугался, но поздно: Марья поднялась, ни слова не сказав, укутала детей в отцовскую шубу и вышла.

Продолжение на 3-й стр.

Сказка для молодоженов и не только...

Начало на 2-й стр.

Выпил. Кругом разбитая посуда, лавка перевернута, Марьян платок валяется, затоптанный. Лучше уж дальше пить. Стук в дверь: неужели Маша? Нет, Ивановы дружки: тоже хмельные, но веселые, с гармошкой. Ваня им: так, мол, и так, тестя обидел, с женой совсем плохо получилось – ушла, детей забрала. Приятели смеются: «Баба она и есть баба, перебесится – вернется. Хорошо бы только попозже. Радуйся!» Но Иван не радуется: чем больше пьет, тем ему тоскливее. Посидели гости, что-то недружно спели – скучно: вино закончилось, пиво закончилось, даже еда закончилась, а Марья, чтобы по-новому накрыть, нет.

В кабак! Повскакивали, остатки посуды и прочего добра со стола пороняли, вывалились на улицу, весело пошли – с музыкой, песнями, свистом.

А Ваня остался дома. Сидел за столом, сидел... чувствует – в бок толкают. Обращивается – один из приятелей рядом: «Ванька, пиво-то есть еще? Горит!» «Спал он тут, что ли? И как я его не заметил?» Пригляделся... только

какой же это приятель? Это тесть! Опять пришел его воспитывать: «Иван, все сгорит – деньги, силы, семья...» Тьфу ты, и никакой это не тесть, а приятель: «Гори оно все! Давай пива. Или хоть воды дай. Воды!» У дверей – шум. Иван оглядывается – Марья стоит. «Маша, ты вернулась? Прости меня...» – «Ванечка, как же вернуться? Ведь все сгорело...» И правда, Иван задыхается от гари. Открывает глаза – изба в огне. Бросается к двери: Маши, конечно, нет, а дверной проем полыхает. «Это не приятель, это я все проспал, я!» Уже и потолочные балки трещат, страшно. С улицы слышится: «Еще воды!» Иван поднял лавку, вышиб ей окно и кое-как вылез.

Вокруг дома – соседи с ведрами. Кто-то накинул на Ваню полушубок, кто-то нахлобучил шапку – он ничего не замечает, бормочет что-то вроде: «Как же это... что же это...» Загасили огонь, но от избы осталась только печь. Стали потихоньку расходиться, хотели и Ваню увести, но он – ни в какую: «Я в бане буду жить! Я жене так и сказал: «Могу в бане жить»...» Народ разошелся, а Иван все кача-

ется перед сгоревшим домом, все что-то объясняет: «Свечек с лучиной перевернулся...» Потом заплакал и побрел к лесу, шатаясь, но уже не от хмеля, а от горя.

Дошел до поляны, упал перед Елью на колени: «Ни о чем не прошу. У меня все было: дом, жена, дети. Пока я о них думал, и мне жилось. А потом взяла верх гордыня: стал лениться, пьянствовать, и все потерял. Жена с детьми ушла. Деньги я почти истратил. Вместо друзей – дружки. Теперь и дом сгорел. Но самое большое горе – потерял к себе уважение. Как оправдаться? Можно ли? Молчишь... Теперь я понимаю: никто не поможет, если сам себе не поможешь». Тут из-за туч вышла луна и так ярко осветила поляну, что Ель засверкала, будто на ее ветвях лежал не снег, а серебро и золото. Глядя на эту красоту, Иван рассмеялся: «Придумал! Все-таки помогла ты мне и в третий раз!» Поднялся, трижды Ели поклонился и пошел в деревню.

Беспокойная ночь выдалась у Ивана. Перво-наперво он взялся за лопату: долго чистил двор от снега и грязи, благо, луна светила. Кстати, отыскал и последние моне-

ты из тех, что жаловал князь. Потом истопил баню, вымылся, малость подремал, а рано утром отправился в город. Вернулся только к вечеру, с огромным мешком за плечами, радостный, и – прямиком к елке, которая возле его забора росла. Снег с нее постряхивал, мешок развязал... чего там только не было! Сладости, игрушки, ленты – все это Ваня на ветвях развесил, а что не удалось – под елку положил. Сначала деревянные мальчишки повисли на Ивановом заборе, точь-в-точь как пряники на дереве, потом вдоль забора стали бабы прохаживаться, а последними и мужики не выдержали. Вся деревня собралась.

Один паренек потащил тайком какой-то орех, а Иван ему: «Бери, что хочешь, побольше!» Дети радуется, бабы посмеиваются, мужики переглядываются. Из толпы вышел Иванов тесть, хмурится: «Ты зачем дерево, как невесту, обрядил? Хочешь людей посмешить?» Ваня ничуть не смутился, как будто этого вопроса и ждал: «Люди добрые, если весело – смейтесь! Я ведь подарки раздариваю не для того, чтобы вину загла-

дить, она слишком велика. Это только угощение. У меня большой праздник. Последний день декабря и последний день зазнайства, из-за которого я все потерял. А завтра – первый день января и первый день честной жизни...» И Ваня рассказал людям обо всем с самого начала, не утаил ничего, кроме того только, где находится еловая поляна. И его простили.

С той поры прошло немало времени. У Ивана новая изба, лучше прежней, строили всей деревней. В своем доме Ваня хозяин, но что бы ни задумал, спрашивает совета у жены и тестя. Дети выросли и теперь в любом деле – первые помощники. Ваня всегда занят делом, но если кому-то нужен – никогда не откажет. Только в одном упорствует: «Не помню, где поляна». Есть, конечно, желающие искать волшебную Ель, но без толку. Зато люди стали встречать Новый год: наряжают елки, желают друг другу добра. От Ивановой деревушки по всему миру пошла такая весть: тот, кто другому добра желает, всегда добро назад получает.

**Анна Колесникова,
г. Москва.**

Неожиданный дар

Радостная спешила Ксения домой. Каждая клеточка ее тела пела: мальчик, мальчик, у меня родится мальчик! Тот Коленка обрадуется! Отправляя жену на консультацию, муж наказал: «Смотри, Ксюша, потом можешь хоть десять девчонок рожать, но первенец должен быть парень – наследник!» «Смешные мужчины, – улыбалась Ксюша, – будто от меня что-либо зависит. Молиться надо, Бога просить, если нужно, Он даст мальчика». Дома Николай подхватил Ксюшу на руки, носил по всем комнатам, приговаривая: «Ну и жена у меня, самая лучшая! Какой подарок сделала!» Потом стал обзванивать и приглашать друзей отметить такое событие, сам побежал за шампанским. Ксения углубилась в Православный календарь, выбирая имя. На чем остановиться? Сколько имен хороших, но выбрать-то нужно одно!

– А что, если назвать его Николаем? Будут у нас в доме два Николая – большой и маленький. Каждый год день Ангела вместе отмечать будем. Надо поговорить с Колей.

Николай, конечно, согласился.

Чем ближе подходило время Ксюше рожать, тем беспокойнее она становилась. Сердцем чувствовала – что-то у нее идет не так... Начались какие-то боли, потом изменился цвет лица, появилась слабость, исчезли аппетит и сон...

Испуганная Ксения боялась идти на очередной осмотр: вдруг что-то с ребенком

и его предложат искусственно удалить? На все звонки врача Марии Александровны и медсестры отвечала, что у нее все в порядке, и на днях она обязательно придет. А сама не шла. Пусть еще подрастет малыш, чтобы ничего уже с ним нельзя было сделать. Наконец и Николай заметил, что у жены не все в порядке. Завел машину и, не смотря на ее слезы и сопротивление, повез на консультацию. Вызвали главврача. Осмотрев Ксюшу, тот заявил:

– Время упущено, будем

спасать маму.

– Нет! – рыдая, закричала Ксения. – Ребенка убить не дам! Он уже большой и все понимает. Любую расписку подпишу!

Как увидела Мария Александровна Ксюшу, так и ахнула. – Что же ты, Ксюша, надела! Уговоры, убеждения и даже утрашения не помогли...

– Ну, что ж... – сказала Мария Александровна, – попробуем спасти обоих. Молись, девочка!

И спасли. Правда, рожать

Ксения больше не сможет. Жаль, конечно, но главное – ее малыш будет жить!

Рано утром проснулась Ксения от громкого разговора, перешедшего в крик. Кричала молодая женщина, ночью тоже родившая мальчика.

– Ты бы, Лена, покормила малыша. Слышишь, как заходится! – сказала Мария Александровна.

– И кормить не буду! Мне рассказывали: если хоть раз покормишь ребенка, так и прикипит он к твоему сердцу, и уже

не откажешься от него.

– Давайте я его покормлю, – предложила Ксения. Молока-то у меня много, на двоих хватит.

А про себя подумала: если Лена не изменит своего решения, уговорю мужа усыновить малыша – будет у Николки братишка.

Лена ушла из роддома, оставив отказное письмо. На прощание сказала Ксюше:

– Оформила бы ты, Ксения, себе малыша. Сама же говорила, что больше рожать не сможешь. Не бойся, честно тебе говорю, мой так и не состоявшийся муж не пил, не курил, да и красавец был. Вот и погналась... Но, видно, как в поговорке, – не по Сеньке шапка!

– А не придешь потом забирать малыша? – насторожилась Ксения.

– Не волнуйся, не приду и никому рассказывать не буду. Вот тебе крест! – и перекрестилась. – А ты всем говори, что двойню родила, даже самым задушевным подругам. Они любят языком почесать, не дай Бог проболтаются, а ребенка на всю жизнь травма.

Второго сына назвали Алексеем, что в православии означает защитник. И действительно нет у Николки более верного и близкого друга, чем Алеша. Любят два брата друг друга и никогда не расстаются...

Видно, Божия Мать подарил Ксении второго сына за то, что она своего первенца не загубила.

**Борис Ганаго,
г. Минск.**

Третий приз

Отец Александр Горячев клирик тверского собора в честь иконы Божьей Матери «Неупиваемая чаша» (микрорайон Южный) – личность известная далеко за пределами тверского края. К нему в православную общину социального служения «Спас» отчаявшиеся матери привозят детей, страдающих тяжелой зависимостью от наркотиков или алкоголя, а чаще всего от того и другого. У него нет штатных врачей, психологов, консультантов. Есть только добровольные помощники из «бывших», сумевшие изменить свою жизнь. Его лекарство – слово православного пастыря и личный пример, а еще и многолетний опыт психолога.

Мысль о создании православной общины зародилась давно. Хотелось построить ее за городом, где на свежем воздухе ребята смогут скорее прийти в себя, начнут вести хозяйство, во многом обеспечивая себя сами. Две первые попытки в Спировском районе закончились плачевно, зато появились опыт и понимание того, что и как не нужно делать. И если бы не упорство отца Александра, поиск и горячая вера в задуманное, вряд ли бы что из этого вышло. Только не зря же досталась ему такая пламенная фамилия. Цель была ясна – нужны две общины: одна в городе, вторая – в деревне. Сама жизнь диктовала эти условия. Напомним, в течение десяти лет храм прописан в областном наркодиспансере, где пока и остается. Спасибо главврачу Вере Ивановне Чесновой, с чьей стороны всегда было и есть понимание. Учрежденный как домовая церковь, со временем храм «Неупиваемая чаша» получил новый статус собора. Это было крайне важно и связано с постройкой своего храма. Сегодня будущий собор понемногу приобретает свои очертания. Рядом бытовка, она же рабочий кабинет отца Александра, где по утрам он проводит планерки со строителями. Уже удалось подвести под крышу трапезную. Здесь ближе к осени можно будет начать богослужения.

Но вернемся к загородной общине. В деревне Волосово, прямо напротив заброшенного храма, одного из древнейших на торжокской земле, был приобретен дом с участком земли. Зимой 2010 года сюда заехали первые его обитатели. Весной вспахали огород, поставили теплицу. Завели кур во главе с огненно-красным красавцем-петухом. Отец Александр бывает здесь почти каждую неделю, служит в храме с лепниной редкой красоты. Только это остаток былой роскоши. Богоявленская церковь требует еще очень большого приложения сил и вложения средств. Поэтому здесь рады любой помощи и всегда готовы принять гостей.

МИР ВАШЕМУ ДОМУ

В большом опрятном доме за кухонным столом пьем душистый чай, настоянный на травах, и ведем неспешный разговор. Присутствие рядом духовного отца сразу же задает беседе доверительный тон. О себе, своей прошлой жизни мои собеседники говорят открыто, без эмо-

«СПАС», ДУШИ НАШЕЙ НАДЕЖДА

ций и как-то отстраненно. Пусть уж простят меня ребята, но я представляла их совсем иными. Обычно, «завязав с кайфом», многие выглядят растерянными, а зачастую и потерянными. Я же попала в компанию молодых, вполне интеллигентных и умных людей, много повидавших на своем коротком веку и достигших, в конце концов, такого дна, подняться с которого удастся немногим.

Отец Александр поясняет: – Сначала еще надо всплыть с этого дна и не захлебнуться где-то посередине. Хорошо, когда родители воцерковлены. Они измучены, и сил уже нет, но тянут детей до последнего. Однако, чтобы те смогли изменить свою жизнь, должно произойти духовное перерождение. Православие – ведь та же медицина. Здесь врачуетесь человеческий дух. Поэтому сегодня мы пытаемся сделать нашу общину церковной и помочь возрождению деревни.

Андрей (имена изменены) – глава деревенской общины. По возрасту он самый старший, к тому же старожил. Перезимовал здесь две зимы. А вообще-то человек он сугубо городской, с деловой хваткой. Был ведущим менеджером в одной из компаний на Украине. Деревенское хозяйство тоже ведет уверенно. Нынешней зимой управлялся в одиночку. Его молодой напарник Сергей теперь в Твери. Поначалу с ним в деревне было немало проблем. Ничего не хотел делать, убежал на целый день. Пришлось поменять и себя, и свои привычки. Теперь сам за старшего в городской общине, строго спрашивает с других. Еще служит в соборе алтарником. Бабушки-прихожанки, видя его молитвенное усердие, часто обращаются с просьбой помолиться о своих заблудших внуках.

Вот что рассказал о себе: – В Москве я провел около трех лет. Дошел до того, что все в жизни уже потеряло смысл. Было все равно: выживу – не выживу, убьют – не убьют. Думал об одном: хоть бы кто-нибудь подобрал меня. Бога молил об одном – помочь мне. В реабилитационном центре впервые взял в руки Библию. Начал читать и стал понимать, что жизнь дана не зря. Хотел начать духовную жизнь, найти священника. Так попал в Тверь к отцу Александру, выбрал общину за городом. Здесь мне все нравится. Несуетно, тихо, особенно хорошо зимой. Есть время подумать, почитать творения святых отцов...

Спрашиваю батюшку: – Как же люди находят вас?

– С началом стройки по благословению владыки Виктора мы отправили по городам и весям свою передвижную звонницу для сбора средств с адресом собора и общины...

МАМА, ПОМОГИ

Рассказывает Анжела: – Самое страшное воспоминание тех лет: я в больнице, мама рядом, а я не узнаю ее. Очнулась

через три дня и завывала: – Мама, вези, куда хочешь. Больше не могу! Помню, курить начала с детства. В тринадцать лет уже во всю хулиганила, «гудела» вместе с пацанами, пиво пила. Казалось все хорошо, смешно и весело. У подружки отец был с квартирой, там и ночевали. Сначала пробовала травку курить, потом пошли легкие наркотики. Мама все время вела войну – в милицию обращалась, пыталась притон закрыть. Только мне все было нипочем.

В восемнадцать лет уже попробовала амфитамин. Училась на повара, пока не появилась новая подружка. Пошли клубы, поездки в Москву. Мы ни в чем не нуждались. Нас угощали, снабжали деньгами, наркотиками. Потом подружка куда-то исчезла. А я дальше пошла – в криминал. Грабили фуры, награбленное продавали. Меня взяли под следствие, потом был суд.

Когда вернулась домой к маме, опять за старое принялась. Познакомилась с мальчиком, он школу с золотой медалью закончил. Ну а он познакомил меня с героином. Стали вместе одни наркотики продавать, другие покупать. И только попав на больничную койку, словно очнулась: все, это край. Мама через Интернет быстро нашла адрес реабилитационного центра под Санкт-Петербургом. Туда очередь, но попасть реально можно. Центр работает от Александрово-Невской лавры. Несколько недель мы все были практически отрезаны от мира. Мальчики жили на своей территории в поселке Саперном. Девочки – в Торфяном.

Когда я попала в этот нереально другой мир, увидела: нас здесь любят и могут помочь. Своим примером батюшка Сергей и матушки показывали нам, как надо любить человека, что не человек плох, а тот грех, что внутри его. За это время с Божьей помощью всё потихоньку менялось. А когда пришло время прощаться, мы плакали вместе с нашими матушками и батюшкой. К отцу Александру меня тоже привезла моя мама, его прихожанка. Теперь уже думаю о будущем, строю планы...

Однако отец Александр остерегает: – Ты говоришь: вот год пройдет, и всё встанет на свои места. Так обычно считают все. Ведь за спиной – крылья. И самое первое ощущение после всего – скорее наверстать упущенное. Хватаются за одно, за другое. Думают, раз пришла трезвость, я в шоколаде. Но надо знать: трезвость – это выход в мир, в жизнь. Тут торопиться нельзя, это только мешает. А лукавый, он тут, рядом, только и ждет подножку подставить. А на днях у нас в общине появился еще один новосел. Его тоже мама привезла. Алексею Бог дал всё. Всеми своими дарами осыпал – есть семья, дети. Давай-ка, Леша, рассказывай сам.

Алексей о себе говорит предельно кратко: – Сюда привели наркотики. На время было под-

вязал. Понимал: дети растут, старшему сыну уже десять. А я и не заметил, как он повзрослел. Вот только хватило меня ненадолго. Случилась беда: меня ранили, чуть кровью не истёк. А раз живой, что тут рассказывать. Маме спасибо за всё.

Духовное делание проявляется в делах видимых.

Последние годы иерей Александр Горячев – заместитель председателя епархиального отдела социального служения и церковной благотворительности по противодействию алкоголизму. И уже двадцать шесть лет возглавляет созданное им Тверское товарищество трезвости. На его счету много важных и конструктивных начинаний. Но почему всё-таки чаще всего борьба с пьянством сводится к разовым акциям?

– Никогда не забуду, когда у нас в городе еще только начиналась наркомания, я услышал от одного пацана: «Мой батька пьёт – у него свой кайф, а я колюсь – у меня свой». Логика убийственная. И я твердо убежден: мы никогда не сможем победить наркоманию, пока не начнем вести хоть какую-то борьбу с пьянством. И если на сегодняшний день у нас сложилась четко организованная силовая структура по борьбе с наркоманией, то абсолютно полностью отсутствует структура, так или иначе занимающаяся проблемой алкоголизма. Хотя это одна общая и неделимая проблема. Но по отношению к пьянству у нас давно сложилось мнение: в России пили, пьют и будут пить. И мне говорят: – Ну что вы там всякой ерундой занимаетесь.

А я рисую такую цепочку. В 2004 году от храма Михаила Тверского прошел по городу крестный ход с иконами Божьей Матери «Неупиваемая чаша» и нашего небесного заступника Михаила Тверского. С годами с благословения владыки Виктора сложилась традиция – в общероссийский День трезвости проводить крестные леты над Тверью. Проходит немало других значимых акций, включая молодежные моторизованные крестные ходы вокруг города. Это духовное делание проявляется в делах видимых. Начались подвижки, сначала ограничение часов продажи спиртного, потом пиво приравняли к алкоголю, а уже с принятием постановления были убраны от школ и вузов ларьки со спиртным и т.д.

В 2006 году мы вышли на губернатора Зеленина с предложением провести в рамках Большого Волжского крестного хода социальный форум «Идеология трезвости как основа духовного, нравственного и физического здоровья людей» с участием областной власти, общественности, Церкви и бизнеса. На форуме были приняты решения о создании зон трезвости в Твери и в муниципальных образованиях. Важнейшим было решение о создании Попечительства народной трезвости, для чего была озвучена программа профилактики и реабилитации больных.

И если первое удалось сделать, то Попечительство оказалось напрочь забыто. Не так давно у нас был разговор с Андреем Владимировичем Шевелевым, и губернатор обещал вернуться к этому вопросу. Решение его может ускорить и решение другой важной проблемы. Нам крайне необходимо на властном уровне создать координационную структуру по противодействию алкоголизму. Пока главным образом все сводится к борьбе в одиночку. Не потому ли нередко получается так: идея родилась в Твери, а реализуют ее другие. Кстати, именно так было в Екатеринбурге, где давно создано и действует такое Попечительство.

Список благих начинаний можно продолжить. Это и совместный проект с министерством социальной защиты «Спасём маму» (женщин, страдающих пристрастием к алкоголю и курению), и акции «Молодёжь – за трезвость и успех» при грантовой поддержке областной администрации, и возобновление Дня трезвости, который начали проводить в России с 1914 года, и ещё многое другое. К примеру, одним летом мы попытались на базе деревенской общины в Волосово организовать лагерь «Трезвая семья». Оказалось не так-то просто. И сейчас со страниц газеты хочу обратиться к самим родителям:

– Почему многие из вас пассивны, почему стоят в стороне? А надо объединиться в борьбе за своих детей. Нам нужна своя семейная община. Я говорю матерям: надо не слёзы лить, а найти время и прийти в храм помолиться о детях. Отцы могли бы создать крепкую мужскую дружину, оказать реальную помощь в содержании реабилитационного центра. Но где они? Пока же получается, что заботы о детях в основном легли на плечи врачей и священников, но и они не всё могут. Родители же со страхом ждут, что будет дальше. А ждать не надо, надо действовать. И для них я повторю наш девиз: «Приди к нам и найди себя».

Ещё одна насущная проблема требует решения. Городская администрация рассматривала вопрос о создании социальной гостиницы и выделении для неё отдельного здания. Однако дальше намерений дело не пошло. Пробовали сами снимать квартиру, но оказалось очень накладно. Пришлось приспособить строительную бытовку, где буквально туются несколько человек.

...Острых вопросов, как видим, немало. И пока не будет системной работы, все будет держаться на энтузиазме. Не потому ли свой уникальный опыт сам Александр Горячев вынужден пока признавать мало востребованным? За горечью этих слов скрывается многое. И прежде всего сострадание и деятельное участие в судьбе ближнего, мудрое слово пастыря и спасительная для других, но не щадящая его самого способность пропускать чужую беду через своё сердце. Но именно только так, через православную веру, ведомый твёрдой рукой, страдающий человек (а кто-то скажет «горький пьяница») приходит к осознанию христианских ценностей и ощущению красоты мира.

Светлана Костенко,
г. Тверь.

«ДОМОСТРОЙ» — миф или идеал русской семьи?

Русская семейная традиция имеет долгую историю, которая в конечном итоге воплотилась в XVI веке в «Домострое». В эпоху централизации Руси, когда вся сфера общественной жизни нуждалась в упорядочивании, на свет появилась так много критикуемая в нынешнее время замечательная книга Домострой.

Книга, в которой содержались правила и нормы поведения в семье и частной жизни, предписывающие, как поступать в разных житейских ситуациях. Как записано в заголовке одного из списков, «Книга, называемая Домострой, имеет в себе вещи очень полезные, поучения и наказания всякому христианину, мужу и жене, и детям, и прислуге». Само словосочетание «домострой» появляется в русском языке как соответствие греческому «экономика» (ойкос – дом, номос – закон, правление).

В Домострое нарисована картина русской жизни и семейного быта, кодекс норм поведения в отношении мужа и жены, родителей и детей, хозяев и слуг, и всех их вместе к Богу и властям.

По Домострою, государство, Церковь и семья связаны неразрывно. Государство стоит на твердом фундаменте – семье, и как во главе государства стоит государь, т. е. Царь, так во главе семьи стоит государь, т. е. муж, глава и хозяин всему дому. Слово «государь» в том и другом случае употребляется в одном значении. На уровне семейного хозяйства повторяется государственная монархическая система управления и подчинения. Эта норма соответствует Священному Писанию. Ибо, по словам апостола Павла, «не муж от жены, но жена от мужа; и не муж создан для жены, но жена для мужа». (1 Кор. 11:8-9)

Владыка дома, государь в своем «семеинном государстве», призван думать «не об одном себе», а обо всех членах. За них он ответственен перед Богом и будет держать ответ на Страшном суде. Обязанность и ответственность перед Богом, Царем, обществом за семью и дом давали хозяину широкие права. Он был вправе наказывать, прощать, наставлять. Чтобы научить «рассудительной ко благу и правильной жизни», он должен был содержать всех домашних в строгости. Домострой рекомендует непослушных вразумлять поначалу «рассуждением», а если не поможет, то «плетью постегать», бить «вежливо», «за руку держа». Поэтому лучше наказывать без гнева, наедине, чтобы не обидеть, а после наказания пожалеть.

«...отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении, наставлении Господнем» (Еф. 6.4), «Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали» (Кол. 3.21), – говорит Апостол Павел.

Детей Домострой с раннего детства приучал воспитывать на православных христианских ценностях, при этом наказывая их за провинности. Это характерно для всего Средневековья, когда детей с пеленок воспитывали в спартанском духе, и взгляд на ребенка был как на маленького взрослого. Наказания в Домострое существуют лишь как крайняя мера, а родительская любовь проявляется, прежде всего, в заботе о нравственном воспитании, приучении к труду, материальном обеспечении (приготовление для дочерей приданого «не вдруг», а заранее, по словам апостола: «Не дети должны собирать имение для родителей, но родители для детей». (2 Кор. 14)

Отношения повиновения распространялись на всех живущих в доме: перед его владыкой все были как дети. Именно так учит апостол Павел детей: «Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость» (Еф. 6.1), «Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это благоугодно Господу». (Кол. 3.20) Главная обязанность детей – любовь к родителям, полное послушание

в детстве и юности и забота о них в старости. Избивающий родителей подлежал церковному отлучению.

Жена в доме – государыня, вторая в семейной иерархии. Она должна была «прислушиваться к мужу», покоряясь ему во всем, советуясь «как на люди ходить, и к себе гостей приглашать, и с гостями беседовать». Нельзя сказать, что жена была лишена некоторой самостоятельности, но вся ее жизнь, впрочем, как и мужа, должна быть направлена на семейное благополучие. Положение жены, опоры мужа в доме, определялось ее многочисленными обязанностями. Сферы мужа и жены различались: он заготавливал, был кормильцем, она сберегала, на ее плечах лежала организация хранения вещей и продуктов. Добрая жена своими неустанными трудами (готовка, рукоделие, уборка, стирка) собирает богатство дома. Такую хозяйку Домострой ставит очень высоко, дороже «камня многоценного», «добрая жена хвала мужу и честь».

Домострой содержит многочисленные наставления о том, как государю и государыне вести хозяйство. Быт предстаёт со страниц Домостроя со многими конкретными подробностями. Через хозяйственные предписания поступают деловые и житейские советы, характеризующие личностные ориентиры в обществе того вре-

мени. Всякий человек может жить по своему достатку: «Всякий человек, богатый и бедный, великий и малый, по своему достатку и по своему имению... какой двор содержать и всякий запас, по этому и людей содержать и всякий обиход, по тому и есть, и пить, с какими людьми сходиться». Хороший хозяин, независимо от его социального статуса, а руководствуясь в первую очередь, своими доходами, заблаговременно делает запасы впрок, чтобы в случае неурожая и подорожания не быть застигнутым врасплох. Домострой содержит в себе и «Лечебник из многих мудрецов. О различных лечебных средствах, способствующих здоровью человека».

Домострой осуждает расточительность и призывает к бережливости. Это выражается в подробнейших советах о том, как мыть, считать и убирать посуду, шить с запасом, на вырост одежду (поскольку рождаемость была высокой), убирать праздничное платье, сохранять для сирот и нуждающихся вещи. Все это характерно для XV и XVI вв., когда и эпоха, общество, и люди не были заражены потребительством.

Домострой резко осуждает пьянство. Подворье зажиточного горожанина, купца или ремесленника (соответствие современному среднему классу), у кого есть прислуга, в Домострое не огораживается от всего мира высоким забором. Оно было связано с рынком в экономическом отношении, а в плане человеческих взаимоотношений – с соседями. В Домострое предусматривалась соседская помощь и взаимовыручка, вплоть до того, что, «если у соседа не достает семян, лошади или коровы или налоги нечем платить, надо ему ссудить и помочь, и, если у тебя самого не хватает, сам займи, а нуждающемуся помоги». Для роста населения необходимо, чтобы в семье было минимум трое детей – двое воспроизводят родителей, третий увеличивает численность. Традиционные семьи в России отличались многодетностью, это было необходимо для выполнения многочисленной работы по хозяйству. О прерывании беременности не могло быть и речи. Большое количество детей к тому же гарантировало продолжение и распространение рода.

Идеалы Домостроя на долгие годы оказывали влияние на традиционную семью в России. Эти идеалы живы и в некоторых крепких православных семьях и по сей день.

Пьющий славянин – раб двух хозяев

Однажды провёл специальное исследование в винном магазине переписал названия напитков, которые стояли на прилавках. Придя домой, ужаснулся тому уровню бескультуры и цинизма, которые сеют в нашем обществе производители ликёроводочных изделий, отравляя сознание людей и пытаясь заманить их громкими названиями, порой ничего общего со спиртным не имеющими. Какие ассоциации должен испытать человек, пьющий дешёвое пойло с красивым историческим названием «Медный всадник», «Мыслитель» либо «Кавказский пленник»? Только отвращение ко всему высокому и прекрасному, что создало человечество. Креплёное вино «Ноев ковчег» также не добавит уважения к православной вере, а слова Омара Хайяма и вовсе отобьют охоту у людей читать стихи и ходить в музеи.

Гонясь за прибылью, алкогольные компании потеряли всякий стыд и уважение к тем ценностям, которые мы называем общечеловеческими – культура, религия, добродетель, наконец,

совесть... Нигде в мире, пожалуй, не встречается подобной безнаказанности, когда в угоду собственной выгоде подрываются общественные устои и пренебрегаются интересы миллионов соотечественников. Кого мы таким образом воспитаем из наших детей? Только чёрствых существ, знающих о Пушкине и Гоголе только из винных этикеток, манкуртов, забывших своё прошлое, включая родителей. Пьяный подросток – это потенциальный преступник, как, впрочем, и взрослый человек. Но на неокрепший ум всегда легче воздействовать, подсовывая ему красочную рекламу либо «литературные шедевры» типа «Москва-Петушки».

Кому это выгодно? Скорее всего, нашим властям, поощряющим производство вина, водки и пива. Пьяный народ всегда легче держать в узде, манипулировать им. Общеизвестно, что если голодному алкашу предложить сделать выбор «хлеб либо водка», то он, не задумываясь, возьмёт второе. Тогда получается, что власть целенаправленно стремится спо-

ить свой народ, дабы сделать его покорным и управляемым. Позабыв, вероятно, о том, что среди этого народа легко могут оказаться и собственные дети. Алкоголизм ведь нельзя в полной мере назвать социальной болезнью, многие пьют не только от горя и безысходности, некоторые заглядывают в стакан из-за праздности и сытости, так сказать, испытывая жажду острых ощущений, из интереса.

Пивной алкоголизм расплодится по России и Украине, словно чума в средневековой Европе – стремительно и беспощадно, разрушая серое вещество школьникам с лёгкостью волшебника из детской сказки. В итоге за год они превращаются в пьющих людей со стойкой зависимостью, полагая, что лонгер или пиво особого вреда организму не принесёт. Поэтому мы часто видим молодых девушек с сигаретой в зубах и с бутылкой пива в руке качающими коляску с новорожденным младенцем в сквере или компании парней, сквернословящих в общественных местах, невзирая

на окружающих. Почему так происходит?

Потому что накануне вечером по телевизору показывали рекламу как изнывающий от жажды ковбой приложился к горлышку с холодным пивком, получая неслыханное наслаждение. Эту же красивую картинку видели министры, мэры, губернаторы и даже президенты. Молчат, значит, позволяют.

С каждым годом умственно отсталых детей рождается всё больше и больше (как правило, все они становятся сиротами), нет средств строить интернаты и оплачивать работу персонала, в Украине уж точно. Для того чтобы решить проблему, министр труда и социальной политики придумала хитрый ход – «раздавать» таких детей по семьям и, пользуясь всеобщей безработицей, платить им за такую услугу гроши (в 4-5 раз меньше, чем обходится содержание ребёнка с отставанием в умственном развитии во вспомогательной школе-интернате). Придумали даже название – детский дом семейного типа (ДДСТ). Раз-

ве не цинично? Кому нужны такие дети? Поэтому все её заявления о том, что к 2020 году в Украине все сироты будут усыновлены, выглядят смешотворно.

Однозначно: в генетике славянских народов произошли изменения. Русь спаивали тысячами, и теперь мы стоим на пороге вымирания. Если пять лет назад украинский президент гордо заявлял: «Мы – украинцы, нас 52 миллиона», то на сегодня их осталось 47, а через 20 лет специалисты прогнозируют сокращение населения страны ещё вдвое. Среди них полноценных в физическом и умственном смысле соотечественников останется всего треть. Разве не катастрофа?

Её всё ещё можно избежать, прежде всего осмыслив масштабы и наметив план конкретных мероприятий – жёстких и недвусмысленных. Нужно думать о дне завтрашнем немедленно и смотреть на глобальную проблему трезвыми глазами.

Геннадий Сенкевич,
Украина.

Поэма Лермонтова, которая спасла жизнь Углову

Отец знаменитого хирурга, лидера пятого трезвенного движения России Федора Григорьевича Углова, часто длинными зимними вечерами при свете керосиновой лампы читал своим детям книги, сказки, стихи. Федор Григорьевич с тех пор за-

учил наизусть и роман «Евгений Онегин», написанный А.С. Пушкиным, и поэму «Хаджи Абрек» М.Ю. Лермонтова, 200-летие со дня рождения которого мы отметили в октябре этого года. Поэма Лермонтова спасла жизнь будущему великому хирургу.

Когда Федя Углов поехал поступать в медицинский институт, он много суток плыл по реке Лене на маленьком катере, буксирующем лес на сплаве. Погода была хмурая, и матросы также ходили сумрачные. Тогда Федор Углов решил развлечь их, помня сло-

ва своей матери: «Феденька, делай людям добро!» Когда Федор стал читать о том, как красавица горянка умоляла абрека не губить ей жизнь, один из матросов вдруг воскликнул: «Хватить читать, студент! Разбередил душу! Считай, что твои стихи спасли

тебе жизнь! Мы хотели тебя выбросить за борт, а деньги твои взять. Теперь живи!...»

Федор Григорьевич и в возрасте 90 и 100 прекрасно помнил многие стихи и любил петь старинные русские песни, которых знал множество.

Лермонтов М.Ю.

ХАДЖИ АБРЕК

Велик, богат аул Джемат,
Он никому не платит дани;
Его стена — ручной булат;
Его мечеть — на поле брани.
Его свободные сыны
В огнях войны закалены;
Дела их громки по Кавказу,
В народах дальних и чужих,
И сердца русского ни разу
Не миновала пуля их.
По небу знойный день катится,
От скал горячих пар струится;
Орел, недвижим на крылах,
Едва чернеет в облаках;
Ущелья в сон погружены:
В ауле нет лишь тишины.
Аул встревоженный пустеет,
И под горой, где ветер веет,
Где из утеса бьет поток,
Стоит внимательный кружок.
Об чем ведет переговоры
Совет джематских удальцов?
Хотят ли вновь пуститься в горы
На ловлю чуждых табунов?
Не ждут ли русского отряда,
До крови лакомых гостей?
Нет, — только жалость и досада
Видна во взорах узденей.
Покрыт одеждами чужими,
Сидит на камне между ними
Лезгинец дряхлый и седой;
И льется речь его потоком,
И вокруг себя блестящим оком
Печально водит он порой.
Рассказу старого лезгина
Внимали все. Он говорил:
«Три нежных дочери, три сына
Мне бог на старость подарил;
Но бури злые разразились,
И ветви древа обвалились,
И я стою теперь один,
Как голый пень среди долин.
Увы, я стар! Мои седины
Белее снега той вершины.
Но и под снегом иногда
Бежит кипучая вода!..
Сюда, наездники Джемата!
Откройте удаль мне свою!
Кто знает князя Бей-Булата?
Кто возвратит мне дочь мою?
В плену сестры ее увяли,
В бою неровном братья пали;
В чужбине двое, а меньшой
Пронзен штыком передо мной.
Он улыбался, умирая!
Он верно зрел, как дева рая
К нему слетела пред концом,
Махая радужным венцом!..
И вот пошел я жить в пустыню
С последней дочерью своей.
Ее хранил я, как святыню;
Всё, что имел я, было в ней:
Я взял с собою лишь ее
Да неизменное ружье.
В пещере с ней я поселился,
Родимой хижины лишен;
К беде я скоро причулся,
Давно был к воле приучен.
Но час ударил неизбежный,
И улетел птенец мой нежный!..
Однажды ночь была глухая,
Я спал... Безмолвно надо мной
Зеленой веткою махая,
Сидел мой ангел молодой.
Вдруг просыпаюсь: слышу, шепот,
И слабый крик, и конский топот...
Бегу, и вижу: под горой
Несется всадник с быстротой,
Схватив ее в свои объятия.
Я с ним послал свои проклятья.
О, для чего, второй гонец,
Настичь не мог их мой свинец!

С кровавым мщеньем, вот
здесь скрытым,
Без сил отмстить за свой позор,
Влачусь я по горам с тех пор,
Как змей, раздавленный копытом.
И нет покоя для меня
С того мучительного дня...
Сюда, наездники Джемата!
Откройте удаль мне свою!
Кто знает князя Бей-Булата?
Кто привезет мне дочь мою?»
«Я!» — молвил витязь черноокий,
Схватившись за кинжал широкий,
И в изумлении немом
Толпа раздвинулась кругом.
«Я знаю князя! Я решился!..
Две ночи здесь ты жди меня:
Хаджи бесстрашный не сядил
Ни разу даром на коня.
Но если я не буду к сроку,
Тогда обет мой позабудь,
И об душе моей пророку
Ты помолись, пускайся в путь».
Взошла заря. Из-за туманов,
На небосклоне голубом,
Главы гранитных великанов
Встают, увенчанные льдом.
В ущелье облако проснулось,
Как парус розовый, надулось
И понеслось по вышине.
Всё дышит утром. За оврагом,
По косогору, едет шагом
Черкес на борзом скакуне.
Еще ленивое светило
Росы холмов не осушило.

Со скал высоких, над путем,
Склонился дикий виноградник;
Его серебряным дождем
Осыпан часто конь и всадник:
Небрежно бросив повод,
Красивой плеткой он махает
И песню дедов иногда,
Склонясь на гриву, запевае.
И дальний отзыв за горой
Уныло вторит песни той.
Есть поворот и путь, прорытый
Арбы скрипучим колесом,
Там, где красивые граниты
Рубчатые сходятся венцом.
Оттуда он, как под ногами,
Смиранный различит аул,
И пыль, поднятую стадами,
И пробужденья первый гул;
И на краю крутого ската
Отметит саклю Бей-Булата
И, как орел, с вершины гор
Вперит на крышу светлый взор.
В тени прохладной, у порога,
Лезгинка юная сидит.
Пред нею тянется дорога,
Но грустно вдаль она глядит.
Кого ты ждешь, звезда востока,
С заботой нежною такой?
Не друг ли будет издадека?
Не брат ли с битвы роковой?
От зноя утомясь дневного,
Твоя головка уж готова
На грудь высокую упасть.
Рука скользнула вдоль колена,
И неги сладостная власть

Плечо исторгнула из плена;
Отяготел твой ясный взор,
Покрывшись влагою жемчужной;
В твоих щеках, как метеор,
Играет пламя крови южной;
Уста волшебные твои
Зовут лобзание любви.
Немым встревожена желаньем,
Обнять ты ищешь что-нибудь,
И перси слабым трепетаньем
Хотят покровы оттолкнуть.
О, где ты, сердца друг бесценный!..
Но вот — и топот отдаленный,
И пыль знакомая взвилась,
И дева шепчет: «Это князь!»
Легко надежда утешает,
Легко обманывает глаз:
Уж близко путник подъезжает...
Увы, она его не знает
И видит только в первый раз!
То странник, в поле запоздалый,
Гостеприимный ищет кров;
Дымится конь его усталый,
И он спрыгнуть уже готов...
Спрыгни же, всадник!.. Что же он
Как будто крова испугался?
Он смотрит! Краткий, грустный стон
От губ сомкнутых оторвался,
Как лист от ветви молодой,
Измятый летнею грозой!
«Что медлишь, путник, у порога?
Слезай с походного коня.
Случайный гость — подарок бога.
Кумыс и мед есть у меня.
Ты, вижу, беден; я богата.
Почти же кровлю Бей-Булата!
Когда опять поедешь в путь,
В молитве нас не позабудь!»

Хаджи Абрек

Аллах спаси тебя, Леила!
Ты гостя лаской подарила;
И от отца тебе поклон
Зато привез с собою он.

Леила

Как! Мой отец? меня поныне
В разлуке долгой не забыл?
Где он живет?

Хаджи Абрек

Где прежде жил:
То в чуждой сакле, то в пустыне.

Леила

Скажи: он весел, он счастлив?
Скорей ответствуй мне...

Хаджи Абрек

Он жив.

Хотя порой дождям и стуже
Открыта голова его...

Леила

Я счастлива...

Хаджи Абрек (тихо)

Тем хуже!

Леила

А? что ты молвил?..

Хаджи Абрек

Ничего!

Сидит пришелец за столом.
Чихирь с серебряным пшеном
Пред ним, не тронуты доселе,
Стоят! Он странен, в самом деле!
Как на челе его крутом
Блуждают, движутся морщины!
Рукою лет или кручины
Проведены они по нем?
Развеселить его желая,
Леила бубен свой берет;
В него перстами ударяя,
Лезгинку пляшет и поет.
Ее глаза, как звезды, блещут,
И груди полные трепещут;
Восторгом детским, но живым
Душа невинная объята:

Продолжение на 7-й стр.

Начало на 6-й стр.

Она кружится перед ним,
Как мотылек в лучах заката.
И вдруг звенящий бубен свой
Подъемлет белыми руками;
Вертит его над головой,
И тихо черными очами
Поводит, и без слов уста
Хотят сказать улыбкой милой:
«Развеселись, мой гость унылый!
Судьба и горе – всё мечта!»

Хаджи Абрек

Довольно! Перестань, Леила;
На миг веселость позабудь:
Скажи, ужель когда-нибудь
О смерти мысль не приходила
Тебя встревожить? Отвечай.

Леила

Нет! Что мне холодная могила?
Я на земле нашла свой рай.

Хаджи Абрек

Еще вопрос: ты не грустила
О дальней родине своей,
О светлом небе Дагестана?

Леила

К чему? Мне лучше, веселей
Среди нагорного тумана.
Везде прекрасен божий свет.
Отечества для сердца нет!
Оно насилья не боится,
Как птичка, вырвется, умчится.
Поверь мне, — счастье только там,
Где любят нас, где верят нам!

Хаджи Абрек

Любовь!.. Но знаешь ли, какое
Блаженство на земле второе
Тому, кто всё похоронил,
Чему он верил, что любил!
Блаженство то верней любви
И только хочет слез да крови.
В нем утешенье для людей,
Когда умрет другое счастье;
В нем преступлений сладострастье,
В нем ад и рай души моей.

Оно при нас всегда, бесшумно;
То мучит, то ласкает нас...

Нет, за единый мщенья час,
Клянусь, не взял бы я вселенной!

Леила

Ты бледен?

Хаджи Абрек

Выслушай. Давно
Тому назад имел я брата;
И он — так было суждено —
Погиб от пули Бей-Булата.
Погиб без славы, не в бою,
Как зверь лесной, — врага не зная;
Но месть и ненависть свою

Он завещал мне, умирая.
И я убийцу отыскал:
И занесен был мой кинжал,
Но я подумал: «Это ль мщенье?
Что смерть! Ужель одно мгновенье?

Заплатит мне за столько лет
Печали, грусти, мук?... О, нет!
Он что-нибудь да в мире любит:

Найду любви его предмет,
И мой удар его погубит!»

Свершилось наконец. Пора!
Твой час пробил еще вчера.
Смотри, уж блещет луч заката!..

Пора! Я слышу голос брата.
Когда сегодня в первый раз
Я увидал твой образ нежный,
Тоскою горькой и мятежной

Душа, как адом, вся зажглась.
Но это чувство улетело...

Валлах! Исполню клятву смело!
Как зимний снег в горах, бледна,
Пред ним повергнулась она
На ослабевшие колени;

Мольбы, рыдания, слезы, пени
Перед жестоким излились.

«Ох, ты ужасен с этим взглядом!
Нет, не смотри так! Отвернись!

По мне текут холодным ядом
Слова твои... О, боже мой!
Ужель ты шутишь надо мной?
Ответствуй! Ничего не значат

Невинных слезы пред тобой?
О, сжалюсь!.. Говори — как плачут
В твоей родимой стороне?
Погибнуть рано, рано мне!..

Оставь мне жизнь! Оставь мне младость!
Ты знал ли, что такое радость?
Бывал ли ты во цвете лет
Любим, как я?... О, верно нет!»

Хаджи в молчанье роковом
Стоял с нахмуренным челом.
«В твоих глазах ни сожаленья,
Ни слез, жестокий, не видать!..

Ах!.. Боже!.. Ай!.. Дай подождать!..
Хоть час один... Одно мгновенье!..»

Блеснула шашка. Раз — и два!
И покатила голова...

И окровавленной рукою
С земли он приподнял ее.
И острой шашки лезвее
Обтер волнистою косою.

Потом, бездушное чело
Одевши буркою косматой,
Он вышел и прыгнул в седло.
Послушный конь его, объятый

Внезапно страхом неземным,
Храпит и пенится под ним:
Щетиной грива — ржет и пышет,

Грызет стальные удила,
Ни слов, ни повода не слышит
И мчится в горы как стрела.
Заря бледнеет; поздно, поздно,
Сырая ночь недалеко!

С вершин Кавказа тихо, грозно
Ползут, как змеи, облака:
Игру бессвязную заводят,
В провалы душные заходят,
Задев колючие кусты,
Бросают жемчуг на листья.

Ручей катится — мутный, серый;
В нем пена бьет из-под травы
И блещет сквозь туман пещеры
Как очи мертвой головы.

Скорее, путник одинокой!
Закройся буркою широкой,
Ремянный повод натяни,
Ремянной плеткою махни.

Тебе во след еще не мчится
Ни горный дух, ни дикий зверь,
Но если можешь ты молиться,
То не мешало бы — теперь.

«Скачи, мой конь! Пугливым оком
Зачем глядишь перед собой?
То камень, сглаженный потоком!..
То змей блистает чешуей!..

Твоею гривой в поле брани
Стирал я кровь с могоучей длани;
В степи глухой в недобрый час
Уже не раз меня ты спас.

Мы отдохнем в краю родном;
Твою уздечку еще боле
Обвешу русским серебром;
И будешь ты в зеленом поле.

Давно ль, давно ль ты изменился,
Скажи, товарищ дорогой?
Что рано пеною покрылся?
Что таяко дышишь подо мной?

Вот месяц выйдет из тумана,
Верхи дерев осеребрят,
И нам откроется поляна,
Где наш аул во мраке спит;

Заблещут, издали мелькая,
Огни джематских пастухов,
И различим мы, подвезжая,
Глухое ржанье табунов;

И кони вокруг тебя столпятся...
Но стоит мне лишь приподняться,
Они в испуге захрапят
И все шарахнутся назад:

Они почуют издали,
Что мы с тобою дети рока!..»

Долины ночь еще объемлет,
Аул Джемат спокойно дремлет;
Один старик лишь в нем не спит.
Один, как памятник могильный,
Недвижим, близ дороги пыльной,

На сером камне он сидит.
Его глаза на путь далекой
Устремлены с тоской глубокой.
«Кто этот всадник? Бережливо
Съезжает он с горы крутой;

Его товарищ долгогривый
Поник усталой головой.
В руке, под буркою дорожной,
Он что-то держит осторожно
И бережет, как свет очей».

И думает старик согбенный:
«Подарок, верно, драгоценный
От милой дочери моей!..
Уж всадник близок: под горою
Коня он вдруг остановил;

Потом дрожащею рукою
Он бурку темную открыл;
Открыл — и дар его кровавый
Скатился тихо на траву.
Несчастный видит — боже правый!
Своей Леилы голову!..

И он, в безумном восхищенье,
К своим устам ее прижал!
Как будто ей передавал
Свое последнее мученье.

Всю жизнь свою в единый стон,
В одно лобзание вылил он.
Довольно люди и печали
В нем сердце бедное терзали!

Как нить, истлевшая давно,
Разорвалось вдруг оно,
И неподвижные морщины
Покрылись бледностью кончины.

Душа так быстро отлетела,
Что мысль, которой до конца
Он жил, черты его лица
Совсем оставить не успела.

Молчанье мрачное храня,
Хаджи ему не подивился:
Взглянул на шашку, на коня —
И быстро в горы удалился.

Промчался год. В глухой теснине
Два трупа смрадные, в пыли,
Блуждая, путники нашли
И схоронили на вершине.

Облиты кровью были оба,
И ярко начертала злоба
Проклятие на их челе.
Обнявшись крепко, на земле
Они лежали костеня,
Два друга с виду — два злодея!

Быть может, то одна мечта,
Но бедным странникам казалось,
Что их лицо порой менялось,
Что всё грозили их уста.

Одежда их была богата,
Башлык их шапки покрывал:
В одном узнали Бей-Булата,
Никто другого не узнал.

Интервью с трезвенником — родилась 117-ая внучка

117 внуков и 33 правнучек, детей 13: одиннадцать сыновей и две дочери. Шаповалы — все абсолютные трезвенники. Сухой закон для них — это вам не какая-то очередная показушная кампания, а норма жизни. Курящих у Шаповалов тоже нет. Зато работающие! От мала до велика. Нет разведенных и нет одиноких. Всех детей они принимают как подарок от Бога. С каждым новым ребенком они становятся счастливее и богаче. Гражданских браков здесь не признают, разводов не было, все свадьбы трезвые, все Шаповалы — люди верующие.

Интервью с трезвенником из Новокузнецка. У Алексея Шаповала родилась 117-ая внучка Леночка.

Самым богатым дедушкой называют новокузнецкая Александра Шаповала. Вот и мы с уважением это признаем и подтверждаем: у Алексея Павловича 117 внуков и 33 правнучка. А детей у него 13: одиннадцать сыновей и две дочери.

Чтоб все так жили!

— Сто семнадцатую внучку зовут Леночка. Она дочка моего сына старости Матвея, — рассказывает Алексей Павлович о недавнем пополнении в своем семействе.

— Чей-чей сын? Какой старости? — прошу его уточнить.

— Матвей у меня самый младший, тринадцатый. Ему 39 лет. А мне 79. Когда он родился, мне было сорок. Вот и зову я Матвея сыном старости.

Речь у Алексея Павловича колоритная, с юморком, но я все же осмеливаюсь заметить, что «сына старости» надо заменить на «сына зрелости», потому что и сейчас энергичного, гладко выбритого и одетого «с иголки» Алексея Павловича никак не назовешь стариком. А уж в сорок-то лет и тем более было нельзя.

— Про нас с Клавдией, матерью моих детей, другое говорили: нищету наплодили. И в роддоме ей предлагали аборт сделать. Вроде из сочувствия. И мне на работе вопросами надоедали: за-

чем тебе столько, тут одного не знаешь, как прокормить, в люди вывести, а у тебя, бедного... «Сам ты бедный, с одним-то ребенком», — говорил я очередному «доброжелателю» и торопился домой. К детям, к жене. Мы с ней оба с Украины. В Кузбасс приехали с родителями. Моего отца Павла Павловича после плена (он фронтовик) в Сибирь на принудительные работы отправили, а отца Клавдии, шахтера с Донбасса, — на шахты Кузбасса. Время было такое: власть решала чужие судьбы. Но нашим родителям роптать на эту власть было некогда. Они трудились. И мы, дети, вместе с ними.

Мой отец ко дню нашей свадьбы с Клавдией построил нам домик. Ну а дальше уже дело моих рук. И я дом для своей семьи построил. А уже потом, когда сыновья подрастали, стал строить или покупать дом для каждого. Считаю это своим отцовским долгом. Ну а кто захочет увеличить свою жилплощадь — пожалуйста, стройтесь дальше. А я чем могу, тем помогу.

ОСВЯЩЁН НОВЫЙ ХРАМ

24 октября митрополитом Ижевским и Удмуртским Николаем был освящен храм святителя Николая Чудотворца, расположенного рядом с храмом святого благоверного князя Александра Невского в г. Ижевске.

Прекрасно распланированный храм был до отказа заполнен прихожанами. Каждый прихожанин получил в подарок великую книгу Евангелие.

Отныне каждую субботу с 10-00 в этом храме будет читаться Акафист пресвятой Богородице ради ее иконы «Неупиваемая чаша» для всех страждущих от алкоголизма, курения и наркомании.

Конференция трезвых сил России «Возрождение трезвенных традиций», посвященная 100-летию со дня введения «сухого закона» в России и 110-летию со дня рождения лидера трезвенного движения России Ф.Г. Углова

20-21 декабря 2014 года в г. Глазове Удмуртской Республики состоится Конференция трезвых сил России «Возрождение трезвенных традиций».

В программе конференции доклад председателя Российского Союза борьбы за народную трезвость профессора В.Г. Жданова «Борьба за трезвость – общее дело», г. Москва; выступления епископа Глазовского и Игринского Виктора (Сергея) «Трезвенные традиции РПЦ», г. Глазов; президента Международной Академии Трезвости академика А.Н. Маюрова «Международный опыт сохранения трезвеннических традиций», г. Нижний Новгород; председателя Российской партии Сухого

закон В.И. Мелехина «Сухой закон 1914-1925 года в России», г. Екатеринбург; о. Алексея Мороза, члена Союза писателей России, председателя Союза интеллигенции г. Санкт-Петербурга; В.И. Кутепова, сопредседателя общественного движения «За трезвую Россию» «Деятельность движения трезвенников «Оптималист», г. Москва; Н.В. Январского, сопредседателя общественного движения «За трезвую Удмуртию» «История деятельности клубов трезвости России на примере Удмуртии», г. Ижевск; а также выступления учащихся – волонтеров трезвенного движения г. Глазова; представителей молодежных движений трезвенников и различных общественных организаций трезвенников страны.

Будут подведены итоги и вручены призы победителям конкурса «Творцы грядущей трезвой России», посвященного 110-летию со дня рождения лидера трезвенного движения страны Ф.Г. Угло-

ва. На конференцию приглашены депутаты всех уровней и руководители администраций. Планируется обращение к депутатам всех уровней, к учителям, врачам, работникам силовых структур, руководителям регионов и ко всем истинным патриотам России с предложением принять для себя «сухой закон», чтобы личным примером и активным участием в трезвеннической деятельности способствовать укреплению народного здоровья страны.

Для всех желающих и готовых принять для себя обет трезвости 20 декабря епископ Глазовский и Игринский Виктор будет проводить этот чин с вручением памятных грамот.

Состоится круглый стол: «Непобедимое мирное оружие трезвости – метод Г.А. Шичко», а также планируется провести цикл занятий по овладению методом Г.А. Шичко и созданию новых клубов трезвости. Заезд участников конференции состоится 19

декабря 2014 года. Оргвзнос 300 рублей.

По итогам конференции планируется издание сборника докладов и выступлений, поэтому просьба выслать материалы для публикации заранее по E-mail: anikola12a@yandex.ru или по адресу: 426068 г. Ижевск, а/я 2816 главному редактору газеты «Оптималист – Оптимист» Николаю Владимировичу Январскому.

Оргкомитет

1. Председатель оргкомитета: сопредседатель общественного движения «За трезвую Удмуртию» Николай Владимирович Январский, г. Ижевск, E-mail: anikola12a@yandex.ru, тел.: 8-912-029-25-35, 8-922-691-87-25.

2. Владимир Петрович Макаров, председатель Глазовского братства «Трезвение», г. Глазов, E-mail: spartak0905@yandex.ru, тел. 8-904-245-02-66.

3. Елена Владимировна Тихонова, психолог братства «Трезвение», г. Глазов, тел. 8-965-848-96-03.

Спасение умирающих, дело рук самих умирающих

Начало на 1-й стр.

Я устала биться в глухую стену непонимания и нежелания понять.

Пыталась встретиться с начальником управления образования – бесполезно, отправляет к замам или просто «некогда прийти».

Министр образования области сказал: «Хорошо, что вы берётесь нам помочь. Найдите деньги и работайте». Это после того как ему переслали моё письмо к губернатору, в котором я ссылалась на ответы губернатора на письма общественной организации о том, чтобы прекратили строительство двух табачных фабрик в Калужской области. Оба ответа обещали, что когда построят фабрики, будут деньги на борьбу с курением. Когда построили вторую фабрику, я напомнила об этом губернатору и попросила денег на преодоление курения среди школьников. Через месяц(!) после отправки моего письма, когда я позвонила, почему нет ответа, мне ответили, что моё письмо отправлено министру образования области. Я ему позвонила и узнала, что меня включили в состав жюри по проведению конкурса школ по профилактике наркомании. Ни о каких деньгах речи нет. Конкурс – мероприятие одной из школ: в третьем классе провести класс-

Протяни руку помощи

ный час «Умей сказать наркотикам «Нет!» – это значит познакомиться с наркотиками, т.е. сделать рекламу наркомании.

В 10-м классе нарколог проводит лекцию о наркотиках, алкоголе, курении. О трезвости – ни слова. Прозвенел звонок – ребята достают сигареты на глазах лектора и идут курить. Спрашиваю у нарколога: «Почему детям не говорите о трезвости? Ведь

дети должны быть трезвыми! Отвечает: «У нас нет сухого закона, зачем об этом говорить?»

Звоню главному наркологу. Она отвечает: что уже плакала, что попала этой Дружининой, теперь станут везде таскать и склонять. Я на это сказала, что плохого писать не буду, напишу официальное письмо от общественной организации, что надо говорить о трезвости. Так и сделала. В те-

чение месяца ждала ответа, а потом позвонила и спросила, какие принятые меры. Ответ получила такой: «Никакие, и принимать не собираюсь. ЧТО НАМ ВЫГОДНО, ТО МЫ И БУДЕМ ГОВОРИТЬ!»

В пединституте висит плакат центра борьбы со СПИДом по профилактике вичинфекции:

1. Имей только одного полового партнёра.
2. При каждом половом акте

пользуйся презервативом.

Дальше я читать не стала и подумала: хоть бы в школах не повесили! Прихожу в школу: висит.

Короче говоря, надо нам (трезвенникам) самим работать непосредственно с людьми.

На одном из круглых столов спрашиваю у врача Центра борьбы со СПИДом: «Зачем вы детей развращаете?» В ответ слышу: «Вы что, с неба свалились? НАМ ЗА ЭТО ДЕНЬГИ ПЛАТЯТ!»

Так что СПАСЕНИЕ ВЫМИРАЮЩИХ – ДЕЛО САМИХ ВЫМИРАЮЩИХ. ЖИТЬ ТРЕЗВО ИЛИ ВЫМИРАТЬ РЕЗВО – ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО!

И я теперь каждому встречающемуся курящему говорю: «Брось курить!» Многие отвечают, что бросают, говорят «спасибо», редко кто говорит: «Иди, куда шла». Некоторые спрашивают: «Почему?» Завязывается беседа, после которой благодарят.

Что сейчас можно сделать и считаю очень важным – это воздействовать на нормальных людей, чтобы защищали своё право жить без табачного дыма, пьяной агрессии, чтобы рожали нормальных детей.

Теперь всё. Возможно, о чем-то уже было написано, но искать во множестве файлов не быстрее, чем написать.

Всего хорошего!

Надежда Дружинина,
г. Калуга.

ПОДПИСКА

Подписаться на газету «С любовью к жизни» можно с любого месяца. Стоимость подписки 150 руб. (электронный вариант) Бумажный вариант 200 руб.

Тел. 8-9120292535.

КУРСЫ ПО МЕТОДУ Г.А. ШИЧКО

- Освобождение от алкогольной, табачной, игровой зависимостей (благотворительно, то есть без оплаты)
- Избавление от очков и восстановление зрения по методу Шичко-Бейтса-Брегга
- Групповые, индивидуальные и он-лайн курсы.

Занятия проводит профессор МСА, директор Ижевской школы здоровья Январский Николай Владимирович. Тел.: 8-9120292535, 8-9226918725, E-mail: anikola12a@yandex.ru

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Убедительная просьба – не использовать газету в хозяйственных целях. Газета создается на благотворительные взносы читателей, в том числе прихожан храмов Удмуртии, она становится нужной многим, часто нас спрашивают, когда же, наконец, новая газета выйдет.

Пусть осуществляется благодатный принцип: прочитал сам – передай другому.